

ИСТОРИЯ НАУКИ

Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии.
2011. – Т. 20, № 2. – С. 182-197.

УДК 93

ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ СОВРЕМЕННОКАМИ КАРЛА ЛИННЕЯ

© 2011 В.А. Гуркин*

Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск (Россия)

Поступила 14 октября 2010

Приводятся исторические сведения о вкладе Т. Гербера, П.С. Палласа, И.И. Лепехина, Э. Лаксмана в изучение природы Среднего Поволжья, о становлении научного краеведения в регионе.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, академические экспедиции, научное краеведение.

Gurkin V.A. *The study of the Middle Volga region contemporaries of Carl Linnaeus*

Provides historical information on the contribution of Gerber T., Pallas P.S., Lepikhin I.I., Travelling, Lacksman E. in the study of the nature of the Middle Volga region, about the scientific study of local lore in the region.

Key words: The Middle Volga region, the academic expeditions, scientific study of local lore.

Творчество Карла Линнея проходило в эпоху торжества идей Просвещения, когда многие мыслители верили в изменение жизни человечества в лучшую сторону с помощью развития науки¹. Известный педагог и философ XVII века, создавший основные положения современной системы образования, Ян Амос Коменский

* Гуркин Владимир Александрович, доктор культурологических наук, профессор, e-mail: vgrk@mail.ru

¹ «Когда же свет учения, свет истины озарит всю землю и проникнет в самые темнейшие пещеры невежества; тогда, может быть исчезнут все нравственные гарпии, доселе осквернявшие человечество, – исчезнут подобно как привидения ночи на рассвете дня исчезают; тогда, может быть, настанет золотой век поэтов, век благонравия – и там, где возвышаются теперь кровавые эшафоты, там сядет добродетель на светлом троне. ... патриот с радостью видит, как свет ума более стесняет темную область невежества в России ... наше среднее состояние успевает не только в искусстве торговли, но многие из купцов спорят с дворянами и в самых общественных сведениях... Просвещение истребляет злоупотребление господской власти, которая и по самым нашим законам не есть тиранская и неограниченная». Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Избранные статьи и письма. М., 1982. С.54, С.88.

в работе «О развитии природных дарований» (*De ingeniorum cultura*) приводит восемь главных средств «сделать себя всецело и прекрасно образованным», среди которых называет «частое общение с мужами учеными, благочестивыми, деятельными и красноречивыми, общение, заключающее в себе скрытую, но самую действенную силу для нашего преобразования. Ибо справедливо сказано: как прогуливающийся под лучами солнца все-таки согревается, а при продолжительности прогулки он к тому же и загорает, хотя бы он прогуливался и с другой целью; так точно, тот, кто вращается среди людей (добрых или злых, образованных или невежественных, мудрых или глупых), непременно усвоит, хотя бы и бессознательно, нечто из их дарований и нравов. (...) Если ты, ради ученого общения, призовешь откуда-либо **мужей просвещенных**, мудрых, даровитых, изобретательных или дашь поручение своим людям, посланным в чужие страны, пересаживать на родину и прививать в ней все, что только им удастся где-либо подметить прекрасного, гениального, изящного, почитая) им долгом распространять здесь, дома, все, наилучше ими изученное, а не так, чтобы, возвратившись, снова подлаживаться (как доселе поступала большая часть таких путешественников) к нравам народа грубого и необразованного и вследствие этого оставить все по-прежнему вязнуть в старом болоте, теряя, таким образом, плоды своего путешествия»².

В России научное просвещение начинает активно проникать из Европы еще в XVII веке. Но, безусловно, самый яркий этап в этом проникновении европейской культуры в Россию рождается усилиями Петра I, который готов был жертвовать для этого любые денежные и человеческие ресурсы всего государства, в уверенности, что это со временем принесет для страны доход. Энергия Петра Великого породила множество ярких фигур в отечественной науке. Это и организация Санкт-Петербургской Академии Наук, детища, которого сам Петр уже не увидел, но всемерно способствовал его появлению³, и знаменитые экспедиции (Мессершмидта, Беринга и др.), и разворачивание картографических исследований по территории всей России. Блестящие представители петровского времени, такие как Федор Иванович Соймонов, Иван Кириллович Кирилов, Василий Николаевич Татищев, Александр Бекович-Черкасский, Василий Прончищев, Семен Челюскин и множество иных не столь знаменитых, но не менее отважных исследователей, самоотверженно, зачастую с риском для жизни трудились по составлению карт как в центре, так и по окраинам самой протяженной в мире империи.

² *Коменский Я.А.* О развитии природных дарований // Избр. пед. соч. в 2-х т. М., 1982. С. 17, 24.

³ Интересен следующий эпизод, приводимый Пекарским: «... в 1724 году, по поручению Петра, Татищев отправлялся в Швецию, и лейб-медик Блюментрост просил его узнавать, не будет ли в Швеции ученых, которых можно было бы пригласить во вновь открывающуюся в Петербурге Академию Наук: «Напрасно ищите семян, возразил Татищев, когда земли, на которую сеять, не приготовлено». Император, узнав, о чем у них идет речь, ответил Татищеву таким апологом: «Некоторый дворянин делал в деревне у себя мельницу построить, а не имел воды. И видя у соседей озера и болота, имеющие воды довольство, немедленно зачал, по согласию оных, канал копать на мельницу припас заготовлять, которого хотя при себе в совершенство привести не мог, но дети, сожалея положенного иждивения их родителем, по нужде принялись и совершили». *Пекарский П.* История Императорской Академии Наук в Петербурге. Т. 1, СПб., 1870. С. XIII.

Характерным общим моментом для ученых того времени было понимание науки как форме служения Отечеству. Так, В.Н. Татищев, один из первых отечественных ученых серьезно размышлявший о целях и назначении географии, относил географию именно к разряду полезных наук⁴. М.В. Ломоносов также неоднократно подчеркивал пользу науки для будущего России. О подобном отношении в екатерининскую эпоху свидетельствует позиция многих просветителей того времени (А.Н. Радищев, Н.И. Новиков, князь М.М. Щербатов, А.Т. Болотов). Таким образом, государственная служба (в понимании служения Отечеству) и наука в России с первых моментов своего возникновения оказываются тесно связанными.

И это само по себе можно было бы воспринимать как норму научного отношения. Но только в том случае, когда речь идет о государстве, в котором есть гражданское общество и свобода личности, что уже само по себе является необходимым атрибутом просвещения. Здесь можно вспомнить определение Иммануила Канта: «*Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по своей вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого*»⁵. Таким образом, заложенное в основе научного просвещения требование свободы личности оказывается тесно связано с политическими либеральными требованиями. Особенно остро это ощущается в условиях тиранического государства, когда ученый воспринимается властью не только как государственный служащий, но и как человек, у которого нет права на свободу слова. Не удивительно, что уже на первых этапах развития российской науки возникают не только отдельные недоразумения между учеными и властью, но не раз разыгрываются настоящие трагедии. Таковы трагические судьбы первых талантливых исследователей Сибири – Мессершмидта, не получившего возможности обработать свою уникальную коллекцию, Стеллера, погибшего в результате ложного обвинения и несовершенства российского правосудия. Экспедиция Миллера и Гмелина по Сибири, по свидетельствам самих путешественников, проходила под постоянной угрозой прекращения экспедиции по причине произвола местных властей или легкой возможности кому-либо из ссыльных объявить «слово и дело» на любого члена академической экспедиции. Судьбы многих первых академиков, включая Ломоносова, Эйлера и других, также пример тому, что становление и развитие отечественной науки происходило с огромными трудностями, возникающими в результате произвола властей, как центральных, так и местных.

Один из знаменитых философов той эпохи Давид Юм, оценивая деятельность Петра Великого по просвещению России, пишет: «... он правит подданными так полновластно, словно они его собственность, а вместе с тем так небрежно и с такой тиранией, словно они принадлежат другому. Народ, управляемый таким образом, есть народ рабов в полном и прямом смысле слова; и вряд ли такие люди смогут возвыситься до какой-либо просвещенности, вкуса или разума»⁶. Юм отнюдь не одинок в своей оценке. Но если это так и указанное противоречие между свободным духом научного исследования и тираническим характером государственного

⁴ Татищев. В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Избранные произведения. Л., 1979. С. 92.

⁵ Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Собр. соч. в 6 т. М., 1966. С. 27.

⁶ Юм Д. О возникновении и развитии наук и искусств // Соч. М., 1965. Т. 2. С. 632.

устройства заложено в российской науке с самого начала, то выходом из сложившейся ситуации могло быть создание «автономной зоны» для науки от произвола чиновников разного ранга. Очевидно, что разные российские правители в той или иной степени понимали эту необходимость создания автономии науке, подобно той, которая существовала в Европе.

Екатерина II, продолжая линию европейского просвещения, оказала наиболее серьезную поддержку науке, пытаясь соответствовать, насколько это было возможно правителю Российской империи, европейскому пониманию просвещения. Неслучайно, развитие научных исследований сопровождается принятием Екатериной манифеста о вольности дворянства, открывшего возможность для представителей высшего сословия активно посвятить себя изучению и преобразованию российской провинции. В этом документе отчетливо прослеживается то значение, какое императрица и ее современники придавали просвещению, при этом подчеркивается, что Екатерина лишь продолжает удачный опыт Петра: «... что ж из всего того произошло, мы с удовольствием нашим видим, и всяк истинный сын отечества своего признать должен, что последовали от того неисчетные пользы, истреблена грубость в нерадивых о пользе общей, переменилось невежество в здравый разум, полезное знание и прилежность к службе умножило в военном деле искусных и храбрых генералов, в гражданских и политических делах поставило сведущих и годных людей к делу, одним словом заключить, благородные мысли вкоренили в сердцах истинных России патриотов безпредельную к ним верность и любовь, великое усердие и отменную в службе нашей ревность, а потому и не находим мы той необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени потребна была»⁷.

С этим связывается надежда и уверенность в пользе просвещения на благо Отечества, и то, что благородное российское дворянство «побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностью и желанием в оную вступать... не меньше и детей своих с прилежностью и рачением обучать благопристойным наукам»⁸.

Во времена К. Линнея известны несколько экспедиций по территории Среднего Поволжья, но многие материалы этих исследований до настоящего времени не введены в научный оборот. Таким примером могут служить работы директора Московского аптекарского сада доктора Трауготта Гербера, который в 1739 г. производил ботанические исследования в Поволжье по маршруту: Нижний Новгород – Симбирск – Самара – Сызрань – Саратов – Царицын. В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранились путевые журналы экспедиции и описания растений, озаглавленные: «*Flora Wolgensis seu conspectus plantarum quas in itinere ex Moscua Zaritziniam in Russia, Regno Casaniae, ad ripas Wolgae Fluvii in desertis Simbirskiensibus, Saratoviensibus, Zaritzinensibus et revertendo in Donnensibus, Tamboviensibus observavit collegit et herbario siccis servat*». Трауготт Гербер находился в переписке с Карлом Линнеем, а потому многие его работы были хорошо известны в научном мире, не случайно имя ученого Линнеем было увековечено в ботанической номенклатуре (название рода декоративных растений Гербера). Как

⁷ Цит. по Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней. М., 1999. С. 189.

⁸ Там же.

пишет Гнучева: «Экспедиционные наблюдения Гербера послужили материалом для его нескольких трудов, которые не были напечатаны, но были известны среди авторитетов своего времени. «*Flora Mosquensis et quae exoticae in horto coluntur*»; «*Flora Tanaiensis seu conspectus plantarum in desertis Voronicensibus, Tavaroviensibus et aliis collectarum et siccarum*» (рукопись 1741 г.): «*Flora Volgensis seu plantae ad fluvium Volgam in desertis circa Simbirsk, Samara, Saratov, Zarizyn et interdum tractum Tanaiensem et deserta Tamboviensia observatae*». (Рукопись 1769 г.)»⁹.

Для изучения природы Среднего Поволжья наиболее важными оказались исследования академиков Лепехина и Палласа, которые не только проехали эту территорию, но и остались на зимовку в Симбирске в 1768 – 1769 гг. (тогда как Фальк¹⁰ по причине болезни так и не смог выехать из Москвы в 1768 году и лишь в мае 1769 года встретился с участниками первых двух отрядов в селе Новодевичьем).

Петр Симон Паллас в 1768 г. возглавил 1-й отряд Оренбургской экспедиции, в состав которого входили: капитан Н.П. Рычков, гимназисты (двое из которых стали потом сами академиками) Н.П. Соколов, В.Ф. Зуев и Антон Вальтер, рисовальщик Николай Дмитриев и чучельник Павел Шумский. Отряд выехал из Петербурга 21 июля 1768. Маршрут его проходил в первый год по городам: Москва – Владимир – Касимов – Муром – Арзамас – Пенза – Ставрополь – Симбирск¹¹. Результатом экспедиции были многочисленные сочинения по ботанике, зоологии, но прежде всего по географии, которые были опубликованы на латинском, немецком и русском языках в Петербурге, а затем были переводы на английский – в Эдинбурге и в Лондоне, на французский – в Париже. Богатейшие собрания по флоре, фауне, палеонтологии и этнографии вошли в фонд Академической Кунсткамеры.

Иван Иванович Лепехин стал руководителем 2-го отряда Оренбургских «физических» экспедиций. В состав лепехинского отряда входили гимназисты: Андрей Лебедев, Тимофей Мальгин, Николай Яковлевич Озерецковский (впоследствии академик), рисовальщик Михаил Шалауров и чучельник Филипп Федотьев. Отряд И.И. Лепехина выехал из Петербурга 8 июля 1768 г. Маршрут экспедиции Лепехина в 1768 г.: Москва – Владимир – Муром – Арзамас – Курмыш – Алатырь – Симбирск – Черемшанская крепость – р. Сок – Симбирск¹². Затем Лепехин проехал

⁹ Материалы для истории экспедиций АН в XVIII и XIX веках. (Состав. В. Гнучева). М.-Л., 1940. С. 73.

¹⁰ Подробнее о Фальке см.: Материалы для истории экспедиций АН в XVIII и XIX веках. (Состав. В. Гнучева). М.-Л. 1940. С. 106-108; Larsson M. Johann Peter Falk as a disciple of Carl von Linne in Russia // Открытые культуры. Материалы Всероссийской научной конференции. Ред. Гуркин В.А. Ульяновск, 2002. С. 66 – 67.

¹¹ Материалы этого этапа экспедиции вошли в первый том его описания: *Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи: В 3 ч.: Пер. с нем. – СПб.: Имп. АН, 1773 – 1788; Ч. 1: Физическое путешествие по разным провинциям Российской Империи, бывшее в 1768 – 1769 году/ [Пер. С. И. Волков, В.Г. Костыгов]. – 1773.*

¹² Из опубликованных материалов экспедиции И.И. Лепехина, относящихся к указанной территории см.: «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства», 4 части, 1771 – 1805 гг.; ч. I. 1768 и 1769гг., VII + 537 стр., с 23 грав. Таблицами. 2-е издание – 1793 г. 3-е (последнее) было осуществлено в 1821 г.: «*Полное собрание ученых путешествий*. СПб., 1821. Т. III. (в этом томе имеется краткая биография Лепехина). Изданные в третий раз записки Лепехина были отредактированы: разделены на главы,

часть Урала, Сибири, города Русского Севера, посетил Соловецкие острова, обследовал побережье Белого моря и возвратился в Петербург лишь в конце 1772 года.

По первоначальному плану, составленному в мае 1768 года Палласом, предполагалось, что обе экспедиции проведут зиму в Царицыне или Гурьеве¹³, однако же, остановились на зимовку они в Симбирске. Главной причиной этому послужило то, что территория, которую предстояло исследовать, оказалась значительно более объемной, чем представлялось исходно в Петербурге, что потребовало значительно большего количества времени для исследований. Кроме этого, у путешественников время от времени возникали задержки из-за отсутствия лошадей на станциях, из-за поломки экипажей по причине плохих дорог, и т.п. И, наконец, оказавшись к началу холодов на территории Симбирской провинции, они могли рассчитывать на более-менее сносную связь со столицей лишь через провинциальную канцелярию¹⁴, которая находилась в Симбирске. Поэтому Паллас и приглашает Лепехина в отличие от первоначального плана возвратиться в Симбирск. Лепехин воспринял с радостью подобное известие, о чем есть следующее место в его записках: «По возвращении нашем в Ставрополь 5 октября, получили известие от г. профессора Палласа, который вознамерился наступающую зиму препроводить в Симбирске. Сообщество довольно прославившагося в ученом свете мужа побуждало и меня переехать в Симбирск, дабы в зимнее время пользоваться, его наставлениями; и изпросив от Ставропольской Канцелярии известие о местах, чрез которые нам ехать надлежало, 8 Октября оставили Ставрополь»¹⁵.

Интересно сопоставить личности Палласа и Лепехина на основании тех свидетельств, которые представлены в их отчетах о пребывании в Симбирске.

У них было много общего: они были ровесниками, оба получили европейское образование и волею судьбы оба оказались в маленьком Симбирске в течение долгой зимы 1768 – 1769 года. И в то же время они представляли собой совершенно иные миры: один был солдатским сыном, отданный с 10 лет в ученики академической гимназии, другой вырос в семье известного берлинского профессора хирурга, и получивший образование в Берлине, Галле, Гааге, Лондоне. Один был уже признан в Европе в качестве блестящего ученого, стремился сделать научную карьеру, совершить большое путешествие по неизведанным странам; другой вернулся на родину после нескольких лет учебы за границей с жадным желанием оказаться по-

а также исправлены некоторые «обветшавшие» выражения. Кроме того, был сделан перевод на немецкий в трех томах (Альтенбург, 1774 – 1783) и на французский (в выдержках) в двух томах (Лозанна, 1784): *Histoire des decouvertes faites par divers savans voyageurs dans contrees de la Russie et de la Perse relativement a l’Histoire civile et naturelle, a l’Economie rurale, au commerce etc.*

¹³ *Окрокверцхова И.А.* Путешествие Палласа по России. Саратов. 1962. С. 62.

¹⁴ Где они могли получить и свою заработную плату. Так, в рапорте (№ 8) в Академию Наук от 28 декабря 1768 г. Паллас сообщает: «23 декабря я забрал из здешней провинциальной канцелярии оставшееся для выплаты мне и моим людям полугодовое академическое жалованье в сумме 651 руб. 72 коп. Из прогонных денег я взял в этом году 200 руб. во Владимирской и совсем недавно 200 руб. в Симбирской провинциальной канцелярии». Научное наследие П. С. Палласа. Письма 1768 – 1771 гг. Сост. *Осинов В.И.* СПб., 1993. С. 40.

¹⁵ *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства // Полное собрание ученых путешествий. Т. III. СПб., 1821 г. С. 256.

лезным своему Отечеству. Насколько различно было их мировоззрение, их цели и планы, настолько по-разному они воспринимали и свое пребывание в этом провинциальном городе. Даже их въезд в Симбирск оказался различным, с различным настроением.

Паллас: «Уже в последнем рапорте из Пензы я был вынужден посетовать на плохую погоду и ранние холода, однако с тех пор у меня появились еще более веские основания для жалоб. Все мое путешествие из Пензы, откуда я уехал 15 сентября, до Симбирска; куда по причине плохой дороги и ветхости моих экипажей я смог попасть только 22 сентября, оказалось крайне неприятным из-за непогоды, когда мороз чередовался со снегом, бурей и дождем... Внезапно начавшийся затем дождь, смешанный со снегом, сделал путешествие еще несноснее. Непогода и выпавший повсюду глубокий снег также явились причиной того, что в пути я не смог сделать много наблюдений»¹⁶.

Лепехин, приехал в Симбирск теплым августовским вечером, и его первые впечатления отражают общее настроение путешественника: «Возвышенное место, на котором построен город, имеет великолепной вид, а особливо для высоких церковных колоколен... город сей пред другими городами, которые нам от Москвы проезжать случилось, гораздо лучше выстроен. В нем есть несколько гражданских каменных дворов. Купечество Симбирское для протекающей Волги многия имеет выгоды; оно может отсылать свои товары по одной реке и в низ и в верх. Город Симбирск пред другими городами может хвализься и яблонными садами, которых как в самом город, так и около онаго великое находится множество: один только там недостаток, что подошли степныя и безлесныя места, и строельный лес должно получать с верху по Волге»¹⁷.

После короткого пребывания в Симбирске, Паллас вновь отправляется в дорогу: «Так как вскоре после моего приезда в Симбирск опять установилась хорошая погода, то я решился еще в этом году совершить небольшую поездку по Ставропольской провинции в Самару. Дабы наше путешествие принесло в будущем пользу, я счел крайне необходимым встретиться с г. статским советником фон Рычковым и посоветоваться с ним, как с человеком, превосходно знающим Оренбургскую губернию, тем более что расстояние было не очень велико. Посему я направился прямо из Симбирска в Спасское село»¹⁸. Но на обратном пути его опять поджидает неудача с погодой: «Несносная погода вынудила меня спешно выехать отсюда в Сергиевск и далее проследовать без остановок в Ставрополь, где я задержался всего на один день. Я хотел переправиться через Волгу немного ниже Ставрополя у Маркваша и по той стороне проехать вверх к Симбирску, однако сильный ледоход сделал невозможной здесь переправу на маленьких лодках. К тому же мой запущенный геморрой, дававший о себе знать уже в Симбирске, из-за холода и езды так обострился, что в пору было приискать спокойное пристанище. Я проделал весь путь, имея всего несколько кибиток и лошадей, поскольку всех лишних людей из моего сопровождения оставил в Симбирске, куда вернулся 22 октября»¹⁹.

¹⁶ Паллас. Рапорт № 6 ... С. 41 – 42.

¹⁷ Лепехин... С. 125 – 126. См. также: *Щекатов. А.* Географический словарь Российского государства. Ч. 1 – 7. М., 1801 – 1809.

¹⁸ Паллас. Рапорт № 6... С. 43.

¹⁹ Паллас. Рапорт № 6... С. 49.

Паллас в своих отчетах почти ничего не пишет о самом городе, кроме того, что это место богато окаменелостями. Впрочем, в одном письме на имя директора Академии Наук графа В.Г. Орлова, он все-таки дает небольшую, но яркую характеристику Симбирска и его обитателей: «мысль, что Ваше Сиятельство меня покровительствует и надежда сохранить это высокое покровительство, составляет единственную опору меня поддерживающую в том унынии, в которое меня погружает неимение друга, удаление от отечества, молчание Академии и наипаче в таком городе, где кажется любят крючкотворство и с удовольствием беспокоят иностранцев»²⁰.

Паллас в своих отчетах старается передать прежде всего информационную сторону исследования, отступая от изложения лишь для того, чтобы подчеркнуть неудобства своего путешествия. Тогда как в текстах Лепехина мы видим не только отчет исследователя, но и взгляд художника, воспринимающего окружающую природу как некое живое существо. Даже препятствия путешествия из-за непогоды приобретают в лепехинском описании характер сказочности: «Обуреваемая Волга заставила нас ночевать на берегу, и на другой день не прежде могли переправиться, как по полудни; да и то не без опасности»²¹. Опасности, встречающиеся по дороге, описываются им легко и с чувством юмора: «Ясная погода и приятность леса далеко завели нас от берега; но наставшая вдруг буря с дождевыми облаками принудила убраться на свое суденышко. Обход был не близок: и так, спеша укрыться от дождя хотели спуститься прямо на берег. Обрывчивая земля не допустила долго лепиться и научила летать; но не кверху, а к низу. Дорога была не очень далека, но шероховата, и глыбы земли провожали меня до самого подола горы»²². Далее идет замечательная фраза, по непонятным причинам не вошедшая в третье издание: «Многие из них не весьма были ко мне ласковы; но одна, и по несчастию моему самая большая, посетила меня в загорбок с таким доброжелательством, что я едва мог сообщить беду мою спутникам и доплестись до лодки. Посещение сие принудило меня домоседничать в лодке почти до самого города»²³.

Маршрут Палласа во многом совпадал с маршрутом Лепехина, что приводило даже к некоторому ажиотажу в погоне за первенство в открытиях. Один из таких случаев связан с открытием горючего сланца под Симбирском. Вот что Паллас пишет по этому поводу: «Я полагаю, что открытие этого каменного угля, находящегося в горе, о котором ничего не знал даже ее владелец, может иметь исключительно важное значение и принести пользу всем волжским городам, особенно же тем, что лежат ниже Казани, ибо там из года в год все сильнее сказывается нехватка дров. И мне доставляет большое удовольствие назвать Академии первооткрывателя этого полезного ископаемого (*речь идет о чучельнике Павле Шумском – В.Г.*). Впрочем, он и без того заслуживает похвалы за свое усердие и проявленную добрую волю. Получив от меня наставления, он теперь стал еще и весьма хорошим рудознатцем»²⁴.

Сравним этот рапорт Палласа с рапортом Лепехина от 10 декабря:

²⁰ Языков П. Обзорение истории геогнозии Симбирской губернии // СГВ 1850, № 2.

²¹ Лепехин... С. 260.

²² Лепехин... С. 373 – 374.

²³ Цит. по кн. Лукина Т.А. Иван Иванович Лепехин. М. – Л., 1965. С. 78.

²⁴ Паллас. Рапорт № 7 от 7 декабря 1768 г. С. 55 – 57.

«По отправлении моего последнего репорта из Синбирска 18 ноября гимназист Тимофей Мольгин принес мне между малым числом окаменелых вещей нарочитой величины плиту шиферного угля, которое скоро загорается и горит ясно. Случившаяся тогда гололедица, а потом напавший снег, лишили надежды обстоятельно определить то место, где такой шифер находится. Ноября 26 дня отправляя я чучельника Филиппа Федотьева в Синбирской уезд для покупки зверков, которой возвратясь, третьего декабря, хотя ничего почти из порученных ему для покупки зверей получить не мог, однако имел случай быть в деревне, называемой Городище, лежащей на самом берегу Волги в 30 верстах от Синбирска, которая принадлежит господину бригадиру Василию Борисовичу Толстому, где он в отрыве берега видел слой помянутого шифера, и для пробы привез с собою несколько кусков. Я отправившись туда сам 5 числа сего месяца, мог видеть разные слои помянутого шифера различной толщины и доброты, самой верхний слой, которой не так сильно еще занесло снегом, толщиной идет на четверть, меж оным и другим слоем серая глина занимает место, таких слоев можно было видеть до четырех. По берегу ходили мы от помянутой деревни Городища в верх и в низ версты по три и везде великое множество сего шифера видел: ибо подрыв берега ястно оные слои показывал. Жители сей деревни сказывали нам, что оной шифер, которой они синею землею называют, идет в низ даже до Соловков, что около 13 верст составит, но сего точно определить, так как и все осмотреть слои напавшей снег и стужею закреплой материк не позволяет, о чем комиссии Академии Наук покорнейше репортует»²⁵.

Паллас, узнав о том, что Лепехин так же исследует залежи горючего сланца, начинает опасаться, как бы приоритет по открытию «каменного угля» не был приписан Лепехину, также отославшему в Академию Наук образцы породы²⁶. Однако опасения Палласа напрасны, поскольку Лепехин считает найденные породы лишь эквивалентом «каменного угля», а значит не может, как считал Паллас, явиться заменителем дров в Поволжье: «Неоспоримо, что оный не может заменить недостаток и дороговизну дров в Симбирске, будучи для тяжелаго своего запаху не пригоден на топленьке; да и в кузницах употреблять его невозможно, по тому, что горя только пламенем, железа разкалить не в силе». Однако, Лепехин предлагает другое использование ундоровского сланца: «но польза, его простираться может до совместнаго себе минерала. Я разумею колчедан, который исчезает втуне. Сколько мне известно у нас ни в каких рудокопных заводах сера не собирается, но довольствуемся серою из Сернаго городка, против Соковскаго устья на западном Волжском берегу построеннаго, и приуготовляемою из колчедана около Ярославля, а прочую получаем из чужих земель. Мне кажется, что нет никакой невозможности вместо привозимой серы добывать оную из колчедана котораго бесконечное множество по Волжским берегам и в окольных местах находится, и мы можем добыватье оную не употребляя на то редкаго, по истинне, на Волге дровянаго лесу: но на сие пригоден будет сланец, который и чрез многия лета оскудеть не может. Ежели кто серу почтет за мелочь, то колчедан даст много купоросу, да еще и по сие время у нас необысканных квасцов, а на выварку того и другаго горючей сланец будет пригоден»²⁷.

²⁵ ОР РГБ. Ф.219. К. 53. Ед. хр. 62. Л. 27.

²⁶ Паллас. Рапорт № 8 ... С. 58 – 59.

²⁷ Лепехин... С. 314 – 317.

Отголоски другого спора, также связанного с находками на территории Симбирской провинции, мы находим в их оценках происхождения остатков костей мамонта на Бирюче. Паллас по этому поводу считал, что главной причиной этого может быть перемена климата за долгое время: «сии останки с большой вероятностью можно производить от древних и важных стремительных перемен земного шара»²⁸. Лепехин полагал, что все дело в изменении русла больших рек: «Волга при людской памяти целые поглощает острова, целые и вновь производит; а иногда оставив свое прежнее течение новой себе, открывает; путь, от чего толь многая волошки или, старицы имеют свое начало. Ставрополь стоит ныне на нарочито высоком месте, котораго и самая большая весенняя вода не понимает; а что Ставропольский округ в старину был Волжское дно, с перваго взгляду угадать не трудно. Свидетельствуют о том песчаные и без всякаго порядка взрытые бугры, изобилующие черепокожными живущими в пресной воде. Положив сие, не неудобно понять и о порядочных земных слоях, состав слоновых костей покрывающих. Вымытыя из берегов, кости могут паки завалены быть новыми земными слоями, когда река перемениет свое течение, и слои осядут по правилам жидковесным...»²⁹.

Несмотря на различие во взглядах и споры, тем не менее, оба исследователя смогли оказаться выше научных разногласий, сохраняя нормальные деловые отношения. Об этом, в частности, может свидетельствовать запись Палласа о встрече спустя два месяца после расставания в Симбирске: «16 мая 1769 г. В Новодевичье приехал я в щастливый день потому, что чрез час прибыл туда г-н профессор Фальк и г-н доктор Лепехин, с коими я объездил еще часть страны»³⁰.

Надо отметить, что лепехинское описание путешествия заметно выделяется из всех остальных описаний академических путешествий 1768 – 1774 гг. Прежде всего читателя поражает сочность и красочность языка исследователя, сюда необходимо добавить удивительную точность наблюдений. Почти все, что попадает в поле зрения Лепехина, так или иначе характеризующее особенности местности, не ускользает от его внимания, будет ли это явление природы или характеристика нравов и привычек местного населения. Известный историк науки В.П. Зубов так характеризует стиль Лепехина: «В Записках Лепехина природа и история предстают перед человеком в их неразрывной слитности. Отсюда – постоянное внимание к технике и экономике, к лучшему использованию природных богатств, к **человеку**, являющемуся владельцем этих богатств».³¹ Другие исследователи (Паллас и Фальк) не воспринимали некоторых тонкостей, возможно из-за незнания языка, а может быть по тому, что это не входило в прямые обязанности естествоиспытателя.

Для современного жителя особенно ценно то, что ученые оставили после себя первое научное описание флоры и фауны Симбирского Поволжья, многие из представителей которых либо совсем исчезли на этой территории, либо находятся на грани вымирания. К таким представителям животного мира можно отнести выху-

²⁸ Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб., 1809. С. 212.

²⁹ Лепехин... С. 302 – 304.

³⁰ Паллас. Путешествие... С. 274.

³¹ Зубов В.П. Историография естественных наук в России. М., 1956. С. 67.

холь³², в изобилии населявшей пойменные озера, о которой Лепехин писал в 1768 году так: «Других водяных зверей как то бобров около Симбирска ныне совсем не слышно; но вместо того почти все озера наполнены выхухолями. Выхухоль голову имеет в расуждении тела не велику, рыло высунувшееся упругое, нижнюю губу короткую, пасть небольшую, глаза едва приметные, ушки малыя, покрытыя густыми и мягкими волосами; прочая шерсть у него на бобра схожа, но только не так осиста. Сторона глаз и отверстие ушей, так как и вся исподняя часть животнаго, покрыта из бела сероватою шерстью. Хвост длинной, сначала круглой, тонок, шерстист; но тотчас разпростирается в большую шишку, содержащую в себе сплетенные пузырьки, наполненные вязкою желтоватою материею... Содержащееся вязкое вещество в пузырьках хвостовой шишки такой имеет крепкой запах, что надобно иметь особенную привычку, чтобы его сносить. Мне кажется, что он гораздо превышает бобровую струю. По крайней мере для меня запах сей также столь был головоломен, что я пяти минут выхухоля в руках держать не мог без головной закружки. Хотя шубка на выхухоле и осиста; однако для тяжелаго запаху (ибо и от нее несколько пахнет,) ни на что не употребляется, кроме опушки на тулупы. Хвост его держат в платяных сундуках, для защищения платья от моли; но сей дух проникает и в самое платье»³³. Сюда же можно отнести описания рыб, которые в настоящее время в нашем регионе стали редкостью: белуга, осетр, стерлядь, севрюга, костера и др.³⁴. С большим интересом читается сегодня и описание тех приспособлений, которыми местные рыбаки вылавливают волжскую рыбу³⁵, описание технологии (почти утраченной сегодня³⁶) производства рыбьего клея, а также многих иных особенностей народного быта.

³² См. статью об истории и современном состоянии популяции выхухоли в Ульяновской области: *Бородина О.Е.* Выхухоль // Ульяновская – Симбирская энциклопедия. Ульяновск, 2000. Т.1. С. 118 – 119.

³³ *Лепехин...* С. 292 – 293.

³⁴ *Лепехин...* С. 270 – 285.

³⁵ *Лепехин...* С. 264 – 270.

³⁶ «О приуготовлении сего клею, так как и о материи онаго, иностранные писатели различно пишут. Иные говорят, что клей вываривают из белужеих переив, хвоста кожи и потроха. Клей делается из воздушных пузырей стерляди, осетра, белуги, севрюги и сазана; да притом и простым образом. Сперва провялив несколько пузырь, кладут в чистое полотно и трут его до тех пор, пока от него верхняя плена отстанет, и тонкия жилочки выгнутся и отделяются от своей влажности. Выбрав жилки и стянув пленку, получают самой чистой клей. Стерляжий клей почитается за самой чистой, его скатывают катышком, и катышек стискивают в лепешечку. Из малой стерляди кружок клею выходит величиною в копейку, а из большой в грош. Лепешечки летним временем сушат на солнце, а зимою в избах в умеренной теплоте. К стерляжьему клею доброту подходит севрюжий клей, котораго приуготовление от стерляжьего ни в чем не разнится, кроме того, что севрюжий клей не в лепешечку стискивается, но свертывается скобкою. Среднее место для клею остается осетровому, предпоследнее белужеюму, а самое нижнее сазаньему пузырю. С двух последних доброту увеличивают, прибавляя к ним часть или стерляжьего, или севрюжьего клею: но белужий клей по большой части оставляют без примеси, и употребляют единственно для очищения вареных медов. Крепостью в клейке превосходит клей состоящий из равных частей севрюжьего и стерляжьего клею. Кроме сих родов рыб, никакая больше по Волге рыба на клей не употребляется; да из оных в одном Симбирском уезде ежегодно

Следует отметить, что этнографические характеристики народов Поволжья, которые так подробно даны в работах Лепехина и Палласа, тесно переплетаются с описанием отношений местных жителей к окружающей природе. И это представляет особое значение в свете проведения на базе этого материала исследований по социоэкологическому мониторингу данного региона.

Рассматривая достижения академических экспедиций необходимо помнить, что без помощи местного населения, многих находок могло бы не существовать. В тексте записок Лепехина мы находим упоминание о помещике села Нагаткино³⁷ капитане поручике Плещееве, предоставившем коллекцию древних костей, обнаруженных им на Бирюче, о помещике села Суровчиха³⁸ капитане Суровцеве, который «сообщил мне изогнутую кость... то был затверделый буйвол рог, из чего заключать можно, что в прежние времена буйволы или сами около Волги водились добровольно, или держали их у себя кочующие народы»³⁹, а также о простых людях, тепло принимавших путешественников. Так, во время поездки от Тетюшей до Ундор, Лепехину со своими спутниками встретились местные рыбаки – вандовщички: «Вандовщичками называются стерляжи ловцы, которые имеют право ловить стерлядей чрез все то время, в которое вода прибывает в Волге, и когда стерлядям самый лучший бывает ход. Ванды делаются на подобие мереж из прутья, но только полы у них не так далекое имеют расстояние. Вандовщички отменную имеют в раздавании рыбы щедрость, происходящую от предубеждения. Всяк, кто заедет на ватагу Вандовщичков, имеет право насыщать свой желудок стерлядями как говорят, безданно безпошлинно: ибо брать за рыбу деньги, которую варят в их стану на пищу, не только за непристойное почитают, но и за ущерб в их ловле. И мы когда принуждали их взять деньги за рыбу, довольно получили поклонов, чтобы избавить их от денег, и чрез то не развратить их улов»⁴⁰.

Директор Петербургской Академии Наук граф В.Г. Орлов постоянно оказывал содействие ученым. В Симбирске он поручил их попечению своему давнишнему приятелю помещику Афанасию Степановичу Мещеринову⁴¹. Нужно при этом учитывать, что Орловы получили незадолго до этого богатые земли на юге Симбирской провинции около устья Усы (те, которые в свое время принадлежали Савино-Сторожевскому монастырю, а затем Меншикову) в обмен на все их прежние поместья в разных районах России. Тем самым, появилась возможность здесь наладить образцовое хозяйство по европейским стандартам. Орлов был лично заинтересован

отпускают до двух сот пудов клею. В гуртовой продаже клей бывает по 60, а во время лову по 40 и по 30 копеек фунт». *Лепехин...* С. 266 – 267.

³⁷ Нагаткино – районный центр Цильнинского района Ульяновской области.

³⁸ В настоящее время с. Елшанка Майнского района Ульяновской области.

³⁹ *Лепехин...* С. 320.

⁴⁰ *Лепехин...* С. 313.

⁴¹ Известно, что коллежский асессор А. С. Мещеринов был в 1784 – 1786 гг. предводителем губернского дворянства в Симбирске. Первые Мещериновы упоминаются в симбирских документах в XVII веке. По документам Усольской вотчины видно, что Мещериновы помогали Орловым в управлении хозяйством, в проведении межевания. Так, в письме землемера Куликова от 1 декабря 1792 года говорится, что «Афанасий Степанович приказал снять луга на Васильчиковом острове», входившем в состав орловского имения. ГАУО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 8.

во всестороннем предварительном научном исследовании территории своих земель⁴².

Достаточно выразительно письмо Орлова Мещеринову, написанное в мае 1769 года: «Фока здравствуй! Читав, как ты разъезжаешь с учеными, хотелось мне с вами тогда быть. Немогжи иметь сего удовольствия, жду с нетерпением от господина Палласа и желаю, чтоб господа Фальк и Лепехин примечания свои ко мне прислали. Я к ним для того не пишу, что не думаю, чтоб мое письмо их у тебя застать могло, а ежели они еще у тебя, то поклонись им от меня и скажи им, что я их всех в особливых письмах к ним за труды и старания в проезд через наши деревни благодарить буду...»⁴³.

Но интерес Орлова к успеху экспедиции нельзя свести только к тому, что у него здесь были свои земли. Имея превосходное европейское образование и желание оказаться полезным для Отечества, Орлов являлся едва ли не самой удачной фигурой на посту президента Академии Наук за весь XVIII век. И это отмечалось не только соотечественниками, но и за рубежом. В частности, Карл Линней в одном из писем выражал благодарность Орлову за усердие в распространении ботанической науки в России, при этом дается поистине поэтическая характеристика ботаников, как «людей, назначенными к познанию Божества, в изящнейшем из его Творений (in agnoscendum Deum ex opera pulcherrima)»⁴⁴.

Через год после экспедиций Палласа и Лепехина, Симбирское Поволжье осматривал другой академик Эрик Лаксман, которого пригласил себе в спутники граф В.Г. Орлов «на время поездки в имения свои по Волге»⁴⁵. Кроме Лаксмана в этом путешествии приняли участие два других академика – ботаник Гертнер и астроном Косицкий. Поездка началась в мае и проходила в течение 4-х месяцев по следующему маршруту: Москва, Воронеж, оттуда по Дону до Сарепты и Царицына, затем немецкие колонии около Саратова, Жигули, Симбирск, Москва, Санкт-Петербург. Одним из результатов этой поездки явилась статья Лаксмана в Трудах ВЭО в 1771 году «О русском малорослом миндальном дереве и о приготовлении из него масла». Паллас и Лепехин также обратили свое внимание на это растение, которое и в настоящее время в изобилии встречается на территории области. Лепехин предположил, что это растение можно с пользой применять в медицине: «Кустарник сий можно было бы без сомнения употреблять во врачевании. Плоды его с миндалем весьма схожи; следовательно, может дать довольно количество масла»⁴⁶. Однако Лаксман быстрее опубликовал свое открытие, к тому же он предложил и способ получения масла из плодов миндального дерева. За что и был удостоен серебряной медали Вольного экономического общества.

⁴² Следует отметить, что в этом Орловы во многом преуспели. История Усольской вотчины, широко представленная уникальными коллекциями документов в ГАУО и в ОР РГБ, могла бы стать темой для целого комплекса исследований.

⁴³ Орлов-Давыдов В. Биографический очерк ... С. 169 – 170.

⁴⁴ Там же. С. 173.

⁴⁵ Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890. С. 80.

⁴⁶ Лепехин ... С. 123 – 124. Благодарю Николая Сергеевича Ракова за это указание. См. его работу: Раков Н.С. Лепехин ботаник // Природа Симбирского Поволжья. Вып. 5. Ульяновск, 2005. С. 46.

В результате первого года исследований, проведенных экспедициями Палласа и Лепехина, уже в 1771 году⁴⁷ было введено в научный оборот огромное количество видов растений и животных. В целом же по стране были проведены впервые геологические и палеонтологические исследования, составлены этнографические очерки, значение которых не только не утрачено сегодня, но и приобретает все более возрастающую ценность, поскольку этот мир природы все более уходит в прошлое.

Это хорошо понимали уже спустя полвека после экспедиции, когда в 1818 г. по инициативе Президента Российской Академии С.С. Уварова было предпринято третье издание материалов ученых путешествий. Вот в частности, что говорится в предисловие к этому изданию: «Успехи большей части наук в неразрывной находятся связи с успехами общих познаний о земном шаре, нами обитаемом. (...) Главной к тому способ подают путешествия ученых, одаренных основательностью ума и знаний, притом проницательных, решительных, деятельных... Такими, хотя не редко затруднительными способами достигли наконец до нынешних сведений о естественном состоянии земель, о произведениях, о промыслах, искусствах, фабриках, ремеслах, о торговых сношениях, и даже о языках, о нравах, обычае, образе жизни, о выгодах и недостатках каждого народа. (...) Основательные сведения о внутренности России всегда черпали из записок Академиков; и в сем смысле труды их незабвенны; но во всех отношениях время течет для нас исполинскими шагами. С тех пор как Академики путешествовали, многие предметы взяли другой вид. Сии изменения нужно доводить до сведения Академии, дабы она могла с точностью решить, что было, и чего не стало, что созрело и развилось – и что исчезло невозвратно.

Мудрое правительство призывает всех к лучшему познанию Отечества во всех его Естественных выгодах и недостатках... и налагает на каждого Гражданина обязанность, обращать внимание на самого себя и на окружающие его предметы, и давать в них отчет себе и Отечеству»⁴⁸.

Подводя итоги по истории изучения Среднего Поволжья в XVIII веке следует отметить, что помимо того, что академические экспедиции открыли много нового в природе земель русских, есть еще один важный результат, который, не так заметен – с этих экспедиций и начинается научное краеведение. Именно благодаря тому, что дневники Палласа и Лепехина в скором времени стали доступны не только для научного сообщества, но и для любого заинтересованного читателя, стало возможно организация исследований на местах. Нужны были лишь подготовленные люди. И такие люди стали появляться в следующем веке, который можно смело назвать веком расцвета краеведческих исследований.

Человек, с которого началось систематическое изучение геологии Симбирского Поволжья, был Петр Михайлович Языков (1798 – 1851) – геолог, старший брат поэта Николая Языкова, получивший образование в С.-Петербургском Горном кадетском корпусе. Служил в Департаменте Горных и Соляных Дел Министерства Финансов, однако вынужден был вскоре вернуться на родину, в Симбирск, по се-

⁴⁷ Дневные записки путешествия *Ивана Лепехина* по разным провинциям Российского государства. СПб., 1771. Ч. 1.

Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs., St.-Pb., 1771. Th.1.

⁴⁸ Полное собрание ученых путешествий по России Т.1, СПб., 1818. С. XX – XXI.

мейным обстоятельствам. Благодаря такой возможности Языков смог довольно подробно исследовать геологическое строение Симбирского Поволжья, а также части Казанской и Самарской губерний. Одним из первых его исследований было изучение того пресловутого «каменного угля», который был обнаружен экспедициями Палласа и Лепехина. Это задание было получено Языковым от Департамента, как он сам предполагал, под влиянием записок академиков Палласа и Лепехина, незадолго до этого переизданных⁴⁹. Вот что об этом писал в рапорте на имя Директора горного департамента сам Языков:

«3 декабря 1826 г.

Господину Директору Департамента Горных и Соляных Дел и Горного Кадетского Корпуса

От Гиттенфервальтера⁵⁰ Языкова. Об исследовании пласта «называемого в Симбирской Губернии каменным углем».

Я удостоверился, что месторождение сие, составляющее с напластованием на оном песчанистую глиною правый берег р. Волги перед селом Ундорами, есть не что иное как смолистый сланец, исполненный отпечатками различных черепкожих животных, замеченный еще в 1768 г. Академиком Лепехиным в приезд его чрез Симбирскую Губернию. Из сего и заключаю, что доставленные сведения Ученному Комитету не точны, и что до сих пор каменного угля в Симбирской Губернии не замечено; хотя формации гор заставляют почитать достоверною Гипотезу существования сего полезного ископаемого.

Гиттенфервальтер П. Языков».⁵¹

На основе своих исследований Языков предложил разделение верхнемеловых отложений, которое вполне соответствует современным представлениям, несмотря на то, что впоследствии ряд авторов (Синцов, Лагузен) пробовали отказаться от языковской периодизации. И лишь работы А.П. Павлова позволили восстановить точку зрения Языкова⁵².

Следует отметить, что П.М. Языков принимал активное участие в научном просвещении своих земляков, оказавшись у истоков первой публичной губернской библиотеки, которая была организована благодаря усилиям всей семьи Языковых, а первым председателем библиотечного комитета стал сам Петр Михайлович. По его же инициативе в 1837 года в Симбирске была подготовлена выставка образцов натуральной истории, по завершении которой на ее основе был создан первый губернский естественно-исторический музей, просуществовавший вплоть до пожара 1864 года.

⁴⁹ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства // Полное собрание ученых путешествий. СПб., 1821.т. III. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб., 1809.

⁵⁰ Гиттенфервальтер относился к 10 классу Табеля о рангах и соответствовал званию Коллежского секретаря или Штабс-капитана.

⁵¹ ГАУО Ф. 268. Оп. 1. Д. 4.

⁵² Резанов И.А. Изучение геологии бассейна реки Волги в XIX веке // Источники по истории изучения природных ресурсов бассейна реки Волги. Материалы научной конференции. М., 2001. С. 155.

Тем самым, эстафета просветительских идей в Среднем Поволжье, активно начавшись с академическими экспедициями XVIII века, получила заметный отклик в виде появления научного краеведения.

РЕФЕРАТЫ

Розенберг Г.С. Волжский бассейн: на пути к устойчивому развитию. – Тольятти: ИЭВБ РАН: Кассандра, 2009. – 472 с.

Подробно описывается, анализируется, моделируется (с использованием эколого-информационной системы REGION) и прогнозируется структура и динамика социо-эколого-экономической системы (СЭЭС) Волжского бассейна. Особое внимание уделено рассмотрению и оптимизации системы индексов устойчивого развития территорий разного масштаба. Обсуждаются различные сценарии достижения устойчивого развития СЭЭС Волжского бассейна.

Книга рассчитана на специалистов-экологов и студентов, изучающих и специализирующихся по экологии.

Бакиев А.Г., Маленев А.Л., Зайцева О.В., Шуршина И.В. Змеи Самарской области. – Тольятти: ООО «Кассандра», 2009. – 170 с.

В монографии обобщены литературные и оригинальные данные о змеях, населяющих Самарскую область. Приведены сведения об истории их изучения (глава 1). Данные о различных аспектах биологии и экологии обыкновенного ужа *Natrix natrix*, водяного ужа *N. tessellata*, обыкновенной медянки *Coronella austriaca*, узорчатого полоза *Elaphe dioine*, обыкновенной гадюки *Vipera berus*, восточной гадюки *V. renardi* сведены в видовые очерки (глава 2). Обсуждены вопросы формирования современной офидиофауны Самарской области (глава 3).

Монография адресована герпетологам, историкам науки, палеонтологам, экологам, паразитологам, сотрудникам природоохранных органов, краеведам, любителям природ Среднего Поволжья.